Прилежная девочка хотела ходить, отличная девочка желала спасения, обычная девочка взмолит о пощаде, плохая же девочка попросит о мести.

***

Это была ночная зима, или зимняя ночь… Особой разницы в названии нет, главное, как её видит ребёнок. А для него и шорох веток за окном подобил стае голодных волков. Свежий снег и темный лес, контраст между белым и чёрным никогда не был так отчетлив как в сегодняшнюю ночь. За небольшим окном завивал тревожный и морозный ветер. Он созерцал, принюхивался к дому, единственному дому во всём лесу. И оценивал единственного обитателя той небольшой избушки.

А пока снаружи бушевала лютая погода, внутри, на кровати, укрывшись пледом сидела девочка. Что-то около девяти-десяти лет, с алыми волосами до копчика и тревожными глазками того ж оттенка.

Она глядела на огонь в камине прогревая взгляд, и нежно отогревала ноги грелками в постели. Сколь тепло было внутри дома, столь же лихо оказаться снаружи. И ведь, становилось все хуже и хуже. Девочка все чаще косилась в холодное, синее от мороза окно, которое давно покрылось морозной коркой — пляской льда. Маленькая леди оставляла за глазами теплый огонёк, а того, словно зацепила ревность, начал тихо затухать. Завивание ветра, который подбрасывал снег снаружи, усилился в такую степь, что слабый огонь в камине и вовсе принялся медленно гасить собственные языки. Вот, сейчас камин начнет тихо тлеть, заканчивая жизнь подобным образом, а маленькая леди в кроватке уже выносила приговор. «Убийца — мороз».

Оценив полуметровый камин, девочка с жалостью осмотрела свое окружение. Теплое, насиженное место удерживало её, и на секунду в голове ребенка вспыхнула мысль оставить все как есть. Перестать закидывать дрова в камин.

«Если закутаюсь сильнее, мне не нужен будет камин и его огонь», разрушительные приступы лени теплой дрожью прошлись по всему телу вызывая лёгкие мурашки. Девочка только представила себе, что больше не придется подниматься, как её накрыла эйфория. Тепло покидало камин, в то время как маленькой леди виделась вечность в тепле и уюте. Быть вечно в безопасности, нескончаемая теплота собственного тела. Она желала…

Вечности.

— И вообще, как я поднимусь, если у меня нету…

Мысль она закончить не сумела. Словно кто-то щёлкнул тумблером, девочка перестала говорить и даже ход её мыслей остановился в одной точке. Точке невозврата.

Что-то щелкнуло повторно, и девочка откинула теплый плед, омываясь прохладой. Неприятной, противной, сковывающей. Она ещё дома, но даже в нем, за пределами кровати было холодно. Девочка была одета в темную полупрозрачную ночнушку, с первого взгляда на которую любой здравомыслящий человек, сказал бы, что такое, девочке одевать пока рановато. Да и не по погоде, слишком лёгкий был убор.

— Нужно подкинуть дров.

Поднявшись на ноги, всего на долю секунды, девочка удивленно посмотрела на собственные ступни.

Ступив ровно три шага по направлению к окну, юная леди всмотрелась в него, вернее в то, что творилось за окном. А там, неумолкаемая метель, на которую холодно смотреть, и не думала стихать. Девочка непроизвольно щёлкнула зубами, ощущая снег на кончиках губ, который и пыталась убрать, слизывая языком.

Но лёгкий привкус мороза, оставался и впредь.

В лесу же, окромя привычных тёмных сил, таких как силуэты всевозможных животных, к её удивлению были и человеческие фигуры. Три человека, два взрослых и один её ровесник. И что-то этот ровесник ей говорил. Издалека, в метель, ей едва различим силуэт мальчика, и даже так, его губы…

— …Мари…

Девочка услышала слово, чему сразу удивилась. Только вот…

— Кто такая Мари?

Мари не считала себя таковой, ведь как она помнила, матушка и папинька звали её никак иначе чем… чем…

— У-ух… — тронув пальцами хмурый лоб, она осознала, дальше мысль не просунуть. Была ли, та, слишком тяжёлой, то ли страшной, неважно. Факт оставался фактом. Впервые, с момента как юная леди себя здесь осознала, она поняла, что не помнит собственного имени. И это… её не сильно и пугало. Поэтому то, особо зацикливаться на том, что приносит боль в голове, она не стала, направившись к камину.

Избушка устроена до безобразия просто и понятно. Настоль все было понятно, что маленькой леди не составило труда сперва найти дрова, а рядом и топор, которым при необходимости можно будет ещё нарубить поленьев, благо снаружи их было много, а чем меньше их становилось, тем менее страшно девочке было выглядывать в окно. Только ей, не казалось абсурдным, в метель с её то видом, пойти и рубить дрова, чего считать, сейчас она была очень ветреной и, что главное, беззаботной.

Так, успев закинуть новую порцию дров, она быстрыми шагами вновь нырнула в мягкую, светлую, а самое важное, теплую постель, откуда неряшливо перекатилась на живот и продолжила наблюдать за камином.

Он казался ей таким интересным, ведь все время изменялся, напоминал ей о прошедших деньках, о цветах, о лицах родителей, родных, знакомых. Огонь, а в частности камин, буквально был всем для девочки. Огонь же в камине был её жизнью.

И не волновало её ни то, по какой причине её звали Мари, ни то, какое у неё вообще имя. Кто она? Где она? Почему посреди темного леса, зимой в избушке где из развлечений одинокий камин?

Да разве ей это было интересно? Языки пламени слизывали все ненужные мысли девочки. Она ещё не знает, что топить камин вредно в первую очередь для неё самой. Вся беззаботность её поведения и мысли очень точно отображалось на её убранстве. Легкая, прозрачная.

Но прошло время, а в жёлтой избушке закончилось топливо. Очередной подъём у маленькой леди произошёл бодрее, ведь она уже привычным взмахом скидывала плед. До чего ей никогда не привыкнуть, так это пробирающий до костей перепад температуры.

В этот раз, поскольку ей придётся идти наружу, рубить дрова, девочка решила сперва подготовиться. Одев светлое пальто из шкуры мохнатого монстра, она буднично прошла к месту, где должен быть топор.

— Как нет?!

Изделия не оказалось на его законном месте. Это заставило девочку хмуриться, начав искать по понятной ей избушке предмет. Но уже через пять минут, она проходила третий круг, а так ничего и не нашла.

Избушка была очень проста, ведь являлась одной большой комнатой. С кроватью в центре, окном и дверью слева от кровати, камином впереди, дровами справа и странноватой картиной на всю стену, сзади. Всё, более ничего. И ведь, что странно, топор был рядом с дровами, так и просился пустить его в ход.

Мысли леди завели её присесть на кровать, в углу. Ей было так приятно ранее, что сейчас, напрягать себя и свою голову не было абсолютно никакого желания. И даже всепоглощающий холод, казалось, отступил перед ленью-обжорой.

Тогда же, в камине начали медленно тлеть угольки, на которые смотреть не так интересно. Небольшие свечи на стенах, продолжали освещать дом, но на них девочка и глазом не взглянула.

Не найдя ничегошеньки интересного в окне и дверях, её глаза лениво вперлись в картину. Она всегда была там, позади неё, но только сегодня ей представилась возможность её увидеть. По-настоящему рассмотреть, чего же умелый художник так пытался на ней изобразить.

Тихое «М-м», более похожее на стон, прошлось по избушке. Так она пытался понять на что смотрит.

«Никогда на зрение не жаловалась, но ведь в последнее время много смотрела на огонь, это из-за него?» решив, что зрение испортил ей именно пляс рыжего огонька, девчушка прищурилась.

Ей ясно виднелась семья. Отец, гордо стоявший подле объемного кресла, возложив руку на его спинку. Мать, которая сидит в кресле и улыбается и сама девочка на руках у матери.

Только вот лица родителей размыты. Нечёткие, забытые. Маленькая леди точно знала, какие эмоции испытывала мать, и что о ней думал отец, но не знала, почему лица на портрете так размыты.

Решив, что это все проделки огня по занижению её зрения, она поднялась с кроватки и приблизилась к портрету.

И ведь и вправду помогло! Мысленно девочка простила «неумеху» художника, осознав, что проблема все же в ней, и со спокойной душой выдохнула. А после и вовсе принялся рассматривать картину.

Лицо отца, как она и думала, держало строгий, волевой характер. Острые глаза, нос картошкой и квадратный подбородок. Сильный образ в довершии содержал в себе небольшой шрам в области лба, что-то около виска.

Мать же, как было предсказано, держала улыбку мудрой женщины. Такую не заполучить за

день или два, она формируется годами от определенного образа жизни.

Родители, так горячо любимые дочерью, казались ей на удивление мирной парой.

Осталась единственная дочь нарисованных родителей, точно такая же, маслянистая Мари.

«Мари не мое имя»

Поправив себя в мыслях, девочка со вздохом рассмотрела в себе ехидную улыбку с полуприкрытыми глазами.

— Но разве я такой была? Художник верно, переволновался, усмотрев во мне свой идеал, и скосил взгляд, — не найдя более разумного оправдания чем это, девочка в последний раз посмотрела на родителей.

И с ужасом застыла, ощутив, как сердце упало в пятки.

Мудрая улыбка матери осталась, а теплые глаза выпучились на всю орбиту, считай секунда и выпадут, обращаясь к дочери. Не маслянистой, к настоящей. Искажённое выражение лица все чётче всматривалось именно в девочку настоящую.

Отец, ранее надёжный и волевой, сейчас дико хмурился, уродуя собственные человеческие черты. Он не отпускал маленькую леди взглядом острых, как бритва глаз.

Чем дольше застывшая, уже начавшая дрожать малышка смотрела на страшную картинку, тем дольше картина смотрела на неё. Не отводя взгляд.

— Динь-дон! — её копия не только страшно смотрела на оригинал, но и произнесла заветную фразу, от которой девочка вздрогнула жадно, ухватив ртом воздух, который по забывчивости не вдыхала.

Все это было сделано, чтобы после, тихой украдкой, на портрете остались лишь привычные лица родителей, более не искажённые отвращением на собственную дочь, более не следящие за ней. Одно отличие все же имелось. С портрета пропала она сама.

Маленькая избушка захрустела, как хрустят падающие деревья. Дверь сама открылась, выпуская шальной ветер и мороз в гости. А те, недолго думая добрались до свеч, съедая их, оставляя девочку во тьме.

— Началась игра.

Голос прозвучал издалека, и с таким эхом, как из коридора.

Только вновь зажжённые свечи, по новой, не дали леди усомниться в собственных ушах.

Она вдруг оказалась в каменном коридоре, который сильно выделялся вместо деревянной лачуги.

Ещё не разжевав как следует новое место, на глаза девочки в конце длиннющего туннеля упал её же силуэт, держащий в руках тот самый пропавший ранее топор.

Нервная улыбка наползла на лицо девочки, когда она осознала, что все это время вором была она сама.

— Динь-дон, я иду искать! — её двойник шёл медленно, но очень выразительно и неумолимо.

— Ч-чего тебе от меня надо?! — пугливо ступив на один шажок назад, девочка активно взмахнула рукой, верно пытаясь смахнуть с себя наваждение, ведь где это видано, чтобы твой двойник пытался тебя убить? — Ты пришла меня убить?! Э-это из-за папы?!

Пришедшие впопыхах слова не фильтровались. Сейчас можно было уверенно заявить, все слова юной леди будут правдой.

Но двойнику и не надо правды, он был безразличен к вопросам девочки.

Тогда, её охватила паника, страх за себя и свою жизнь. Невыносимым порывом горького сердца, её тяжелые шаги повели тело от двойника. Развернувшись, юная девочка увидела такой же длинный коридор, который слабо освещался.

— Мари!

Оттуда доносился сильный голос. Испуганному ягненку не оставалось выбора, кроме как ухватиться за эту «руку». Сперва неуверенно, но после, все более быстро перебирая ногами, девочка побежала на звук.

Сто шагов по полу, которым не укрыться от двойника, спустя, девочка вбежала в храм. Все более прерывисто хватая ртом воздух, ей становилось очень тепло, буквально жарко. Вбежав в святилище, центральной фигурой которого была богиня, смутно припоминаемая девочкой, та вновь услышала голос.

— Мари.

С удивлением подняв очи, девочка поняла откуда шёл мальчишеский голос. Из самой статуи богини. Уже несмело потянув к каменному монументу руку, её остановил пролетевший мимо ушей корявый визг, а её двойник, позади раздражённо цокнул языком.

— Динь-дон, вот я и пришла, — впрочем, на лицо двойника быстро наползла более привычная, садистская ухмылка. — будь любезна, подай мне топор, которым я промахнулась.

Юная леди слышала все слова двойника, она видела и тот топор, который врезался прямиком между ней и статуей богини в секунде от её ладони. Стальное полотно глубоко вошло в пол.

— Я… — сперва неуверенно, и с трусливыми нотками, но затем смелее, полностью разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, юная девочка вскричала. — что ты от меня хочешь?!

— Потише, маленькая истеричка, — и впервые её двойник ответил нормально, даже слегка раздражённо. Цепкие лапы страха слегка ослабили хватку.

«У неё больше нет топора» так подумала девочка, считая себя в безопасности.

— Может, давай поговорим?

— Чего ещё тебе захотелось? Значит теперь тебе не все равно на всех, так? — доппельгангер перестал скрывать раздражение за собственным оригиналом. — я тебя нашла, а значит, выполняй приказ!

С натиском, топнув ножкой, в конце концов, копия девочки все ещё оставалась девочкой.

— Не буду, — покачав головой, юная девочка только ближе ступила к топору.

— Эй! Не смей! — нелогичность происходящего прошла мимо первой и второй, но, тем не менее, копия рванула на оригинал, быстро сбивая её с ног и навалившись всем телом.

Они закружились в болезненном противостоянии, хватаясь то за грудки, то за волосы и лица. Ужасающее зрелище, где борьба шла не просто между двумя девушками, но между самой собой. После стольких переворотов и обменов ударов и щипаний, по крайней мере синяки должны были оформиться на лицах. Право слово, законы в этом месте работали в другой плоскости, поэтому никаких значительных травм не было, лишь лёгкая потёртость да испорченное, раздражённое настроение. Будь девочки одеты в одно, после такой сцепки, их можно было бы перепутать. Вплоть до первого слова.

— Динь-дон! Нет смысла сопротивляться, — стирая капли пота с подбородка, копия ухмыльнулась. — оставайся здесь, если так хочешь свою безопасность. Но меня отпусти!

— Я тебя не держу здесь, отправляйся куда пожелаешь, — взволновано махнув рукой, маленькая девочка прогоняла свою точную, тучную копию.

Словно услышав ругань в свой адрес, маслянистая подделка раздражённо топнула ножкой об пол, громко выкрикивая:

— Будто бы это так легко! Дура! Дура! Дура! Дура!

— Да как ты…

— Могу! Потому что ты дура! Угробить меня хочешь! Притворяешься невинной овечкой! Ты ведь до сих пор ничего не понимаешь, да? Не знаешь, что творится вокруг, как тяжело снаружи! А я знаю, но не могу помочь.

От подобного откровения опешил бы и глухой. Малышка ухватила беззвучные слова, пытаясь что-то сказать, но ничего не получалось. Слова немы, а спустя три попытки сказать хоть что-то, девочка опустила руки, поджав губы.

— Не знаешь, что сказать, да? Динь-дон! Все верно! Ведь ты дура.

— Хватит меня так называть.

— Глаза правды опасаются? Ну, впрочем, мне больше с тобой говорить не о чём.

И двойник бросился к топору, но не успел он и пяти шагов сделать, как повалился на землю. Девочка не позволила добраться до орудия, крепко схватив свою копию за ногу.

— Нет-нет, я не отпущу! Не убивай меня! — сама девочка диким трепетом удерживала не одну лишь ногу, но и собственное сердце, дабы то не улетело.

— Не надоедай, — копия в безуспешной попытке ползти к оружию, прибегла к страшным ударам. Ударяя второй ногой девочку, которая вцепилась в неё, она все продолжала поливать её словами. — я хочу жить! Ты же подделка настоящей меня! Жалкая пародия на меня! Я настоящая!

С последним словом, опустилась гильотина, а пальцы девочки, которые ухватились за сильную ненавистную сторону, расцепились против воли.

Малышка прикрыла глаза. Её сердце застучало втрое быстрее, и так громко, что, казалось бы, его услышат все зеваки. Нет, зевак, да нежеланных ушей здесь не было. По правде, девочка не хотела, чтобы её страх услышала фальшивка.

Когда же глаза были расплющены, двойник заносил над головой топор.

— Оставайся здесь вечно гнить. Я же ухожу, и чтобы уйти, мне нужны ноги, твои ноги!

Была произнесена речь, завершился последний аккорд. И на этом, сказочка подошла к концу.

***

— А кто слушал её, прошу, запомните, — вещала старая, низенькая женщина, даже бабушка. Она была одной из тех, кто по доброте душевной, собирала детвору и рассказывала короткие сказки, мудрости и поучительные истории, чем тешила и детей и себя. За представление, как знали все, она ничего взамен не брала, все было во славу Милиса, бесплатно и добровольно… но взрослые с улыбкой и пониманием, предлагали не столько плату за шоу, сколько «пожертвование» на церковь святой Милис. И отказываться уже от этого подарка было бессмысленно. Как-никак, но летней женщине за семьдесят, нужны деньги не просто на жизнь, но и на поддержания жизни. — нужно уметь прощать, и тогда, как вы будете относиться к другим, другие будут относиться к вам. Зло создает лишь зло.

Важно закончив мысль собственной баллады, бабушка натянула на голову обратно, белоснежный капюшон, и хитро, но так по мудрому улыбнулась.

Рассказ озвучивался там, где люди молились — в храме. Реальный размер святилища мог обескуражить даже жителя из иного мира, особенно учитывая, как выглядели все остальные домишки. Посреди невзрачных, серых, и таких обычных деревянных домов, располагалась резиденция Милиса. На храм, жители не скупились, вот и получилось так необычно. Считай, местное достояние.

Внутри же храма была даже мраморная статуя самой богини, которая в молитвенном жесте глядела прямо ввысь. Старушка и дети расположились чуть поодаль.

Там же, позволялось находиться не только детям и рассказчице, нередкое явления здесь являются и простые путешественники, которым ведома дорога к Миллисиону — столице королевства Милис.

— Тупая сказка, — раздражённо хмыкнув, Нилрем укоризненным, колючим взором уткнулся в переносицу Роулзу, который тут же впопыхах отвёл лицо в сторону.

«Как лидер группы, я настаиваю тебе посмотреть на шоу»… Тьфу ты, Роулз, не шоу, а дерьмо», мысленно перекривив слова Роулза, Нилрем закончил слушать, и потащил за собой Мари.

В первую очередь, они пришли сюда по просьбе Карлы, которая хотела помолиться. Как помнил юный маг, женщина ранее не проявляла особой набожности, а с чего вдруг решилась он не знал. А пока они ждали, появилась старушка, которая любезно пригласила Мари и Нила послушать поучительную историю.

Отказ не успел прозвучать. Роулз вклинился быстрее, уже затаскивая за собой в храм мальчика и девочку.

Так и пришлось умнейшему человеку на планете*(По мнению самого Нилрема) ждать пока

некая старушка не поделится с ним своим откровением.

«Причинять зло плохо, делайте добро», трактовка мага получилась сухой, но в какой-то мере верной.

Нилрем не понимал, что сказка создана для детей, которые ещё не понимают тех вещей, которые ему и в страшном сне не назвать сложными. Заложить в ребенка правильное воспитание, ценности, идеалы, это работа любого родителя. Работа же ребенка — плакать, падать и жаловаться. Через боль, страдание и препятствия вырастает здоровый дух, в здоровом теле, со здоровой душой. Откуда человеку двадцать третьего столетия знать, что такое правильное воспитание, если и он сам, прошёл через другое…

— Мари, — раздражённый Нилрем вновь потянул за руку девочки. Он обернулся, и замер, уставившись на слёзы. Не его, но девы.

«Её эмоции… пробудились?» Мигом взяв себя в руки, парень начал усиленно думать над случившимся. То ли он зря поливал старух помоями, то ли богиня, на которую Мари сейчас смотрит все же существует.

«Нет, бред какой, богов не существует, верна мысль о том, что ранее она была верующей», восприняв проблеск, нет, лавину чувств девочки, как ответную реакцию на статую знакомого божества, он и помыслить не мог, что именно он и являлся тем фактором, тем кто звал её, и тем, от кого на лице девочки появились слёзы.

От лика богини она отвернулась.

Мари уже нашла свое божество. Тот, кто вернул ей ноги, тот кто вернул ей свободу.

— Мари… — девочка тихо заговорила. Несколько хрипло, после стольких месяцев молчания это было и неудивительно. Юная леди приблизилась к Нилрему, буквально падая в его объятия. — Я — Мари.

Обвив Грейрата, руками за шею, та медленно-медленно, обессиленным порывом тихо договорила:

— А ты мой отец…

http://tl.rulate.ru/book/84638/3166888